

УДК 811.111.81'373.72

DOI: 10.17223/19986645/43/5

А.В. Меликян

ФРАЗЕОСХЕМЫ С ОПОРНЫМ КОМПОНЕНТОМ-СОЮЗОМ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию одного из классов синтаксических фразеологических единиц – фразеосинтаксических схем современного испанского языка. Анализу подвергаются структурные, семантические и этимологические свойства фразеосинтаксических схем с опорным компонентом-союзом. Данные синтаксические фразеологические единицы характеризуются признаками воспроизводимости, идиоматичности, структурно-семантической целостности, экспрессивности и стилистической маркированности.

Ключевые слова: синтаксическая фразеологическая единица, фразеосхема, союз, опорный компонент, структурно-семантическая целостность, идиоматичность, экспрессивность, полисемичность, испанский язык.

Фразеологический фонд современного испанского языка включает в себя единицы различных уровней, в том числе синтаксические фразеологические единицы. Основной причиной появления более экономных средств и единиц выражения человеческой мысли выступает противоречие между потребностями человека в эффективных средствах коммуникации и его ограниченными возможностями в сфере языка.

Лексические фразеологические единицы испанского языка исследуются лингвистами уже довольно долгое время, однако описание фразеологических единиц синтаксического уровня носит фрагментарный характер, что обусловлено общей методологической ориентацией испанских и латиноамериканских лингвистов. Данное направление языкознания получило наибольшее развитие в отечественной лингвистике. В испанистике же синтаксическая фразеология рассматривается в качестве составляющей других разделов языкознания: стилистики, грамматики, риторики, культуры речи, лексикологии и т.п. Следует отметить, что работы теоретического характера по испанской фразеологии немногочисленны. Более того, многие испанские и латиноамериканские ученые в своих исследованиях опираются на концепции таких выдающихся русских лингвистов-фразеологов, как В.В. Виноградов, Н.Д. Арутюнова, Н.Ю. Шведова, В.Н. Телия, В.Л. Архангельский, Н.Н. Амосова и др. Среди исследований фразеологии в испанистике, проведенных русскими учеными, можно выделить работы А.В. Супрун и Н.Н. Курчаткиной [1]; Э.И. Левинтовой [2]; В.С. Виноградова [3], Э.А. Мальцевой [4], И.В. Ямушкиной [5]. Данные труды внесли значительный вклад в исследование теории общей и частной фразеологии испанского языка.

В современных лингвистических исследованиях по испанскому языку пока не выявлены единые критерии для определения природы и статуса фразеологических единиц. В качестве ведущего признака фразеологических единиц называлось, например, такое их свойство, как отклонение от языковой нормы («грамма-

тическая аномалия») [6. С. 1171–1176; 7. С. 60]. Однако следует отметить неправомерность применения данного критерия ко многим фразеологическим единицам ввиду отсутствия у них аграмматичности: *tomar el olivo* – *ударить*, *levantar el codo* – *нуть заноем* и т.д. Некоторые испанские ученые высказывают мнение, что фразеологические единицы тесно связаны со спецификой определенного языка, вследствие чего выделяют критерий непереводаемости на другие языки, специфичности того или иного языка в качестве основного или дополнительного признака данных языковых единиц [7. С. 60].

Однако испанистами все же называются некоторые категориальные свойства фразеологических единиц. К ним можно отнести такие признаки, как воспроизводимость, устойчивость, структурно-семантическая целостность и идиоматичность. Опираясь на эти и другие критерии, испанские ученые описывают природу фразеологизмов, а также дают различные классификации данных языковых единиц. Среди наиболее значимых работ испанских и латиноамериканских лингвистов по фразеологии можно выделить труды Х. Касареса [8], Э. Косериу [9], А.О. Сулуаги [10], С.В. Карнеадо Морей, А.М. Триста Перес [11] и некоторых других.

Фразеологизация на лексическом и синтаксическом уровнях различна. «Во фразеологических единицах фразеологизация идет от содержания к форме: лексический состав всегда соотносится с определенным значением, во фразеосхемах (синтаксических фразеологических единицах) фразеологизация идет от формы к содержанию: схема постоянно соотносится с определенным значением. Таким образом, фразеологизация идет в двух направлениях» [12. С. 67]. На уровне синтаксической фразеологии фразеологизация идет по пути обобщения означаемого и идиоматизации означающего мотивирующей синтаксической конструкции. Синтаксическая фразеологизация – это «сложный диахронический процесс, сущность которого состоит в асимметрическом сочетании слов, когда план выражения, образованный по законам синтаксиса, не соответствует семантической целостности плана содержания» [13. С. 30–31]. Иными словами, «выделение фразеосинтаксического значения у СФЕ обусловлено тем, что оно присуще предложению как единице синтаксиса, выражается конструкцией в целом, является устойчивым и инвариантным, не вытекает непосредственно из структуры модели, не мотивировано грамматической связью, существующей между компонентами модели» [14. С. 57].

К единицам синтаксической фразеологии относятся коммуникемы, фразеосхемы, устойчивые модели, устойчивые обороты [15. С. 29]. В данной статье мы остановимся на описании фразеосинтаксических схем испанского языка, которые активно используются в разговорной коммуникации.

Материалом для исследования послужили фразеосхемы, извлеченные методом сплошной выборки из оригинальных произведений испанской и латиноамериканской художественной литературы XIX и XX вв., их переводов на русский язык, выполненных Н. Бутыриной, В. Столбовым, Л. Синянской, Н. Кирилловым, А. Грибановым и др., а также грамматик, толковых и фразеологических словарей испанского языка.

Исследуемые в настоящей работе языковые единицы являются порождением разговорной речи, чаще всего – её устной формы: «...разговорной речи в наибольшей по сравнению с другими стилями степени свойственна фразео-

логичность, понимая под последней “живописный способ выражаться”, реализованный в устойчивых языковых единицах и их речевых вариантах» [16. С. 180].

Фразеосинтаксическая схема – это коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной и модусной пропозиции, выражающая логически и семантически членимое смысловое содержание (т.е. равное суждению), обладающая грамматической и лексической нечленимостью, ограниченной проницаемостью и распространяемостью, сочетающаяся с другими высказываниями в тексте по традиционным правилам и выполняющая в речи эстетическую функцию [17. С. 161–162].

Фразеосхемы характеризуются набором обязательных системных признаков: воспроизводимостью, структурно-семантической устойчивостью и целостностью, идиоматичностью и экспрессивностью. Рассмотрим языковую природу каждого из этих признаков.

Воспроизводимость квалифицируется некоторыми учеными как основное свойство фразеологических единиц (Н.М. Шанский, С.Г. Гаврин, Л.И. Ройзензон). Данный признак определяет существование в языке «различного рода комбинаторных аномалий, к которым, в частности, и относится большинство устойчиво воспроизводимых сочетаний фразеологического типа» [18. С. 675]. Однако данный признак является интегральным для всех синтаксических фразеологических единиц, поэтому не может использоваться для их дифференциации: «...свойство воспроизводимости является наиболее общим для фразеологических единиц, различающихся степенью идиоматичности, грамматической структурой и т.д. Оно как бы объединяет в одну массу все фразеологизмы, рассыпающиеся при подходе к ним с какими-либо иными критериями, верными для отдельных групп фразеологизмов, но недостаточными для всей фразеологии» [19. С. 61]. Воспроизводимость – это качество, которое всегда характеризует фразеологические единицы речи как заранее заготовленные [20. С. 230]. Под воспроизводимостью мы понимаем регулярную повторяемость языковых единиц в речи в их стабильном составе.

Признак устойчивости также трактуется по-разному: предсказуемость компонентов [21. С. 58], стабильность употребления [22. С. 122; 23. С. 7], совокупность ограничений в выборе переменных фразеологической единицы на лексическом, семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях [24. С. 24], предсказуемость элементов с взглядом на нее как степень идиоматичности фразеологической единицы и как меру ее семантической сплоченности и неразложимости компонентов, т.е. семантической целостности [25. С. 109; 26. С. 40]. Мы придерживаемся последней точки зрения. Таким образом, устойчивость идиомы проявляется в том, что слова, становясь компонентами идиомы, теряют многие свойства, вследствие чего наблюдаются ограничения парадигматических и синтагматических изменений, свойственных идиоме по сравнению с изменениями, которые возможны для соответствующего свободного построения [27. С. 14].

Семантическая целостность фразеосхем проявляется в наличии «общей семантической идеи» [28. С. 107]. Структурная целостность заключается в

фиксированном расположении компонентов (порядок следования не может быть изменен без изменения семантики всей конструкции), в ограничении возможности варьирования опорных компонентов и распространения структуры синтаксической конструкции. По мнению А.О. Zuluaga [10], структурная организация фразеологических единиц составляет особый тип воспроизводимости, который заключается в фиксации определенной формы и невозможности ее изменения.

Идиоматичность представляет собой смысловую неразложимость фразеологизма на отдельные компоненты, соответствующие его отдельным структурным элементам [29. С. 145]. Иными словами, идиоматичность – это невыводимость смысла фразеологизма из значений его отдельных компонентов.

Одним из категориальных признаков данных синтаксических фразеологических единиц также является синтаксическая экспрессивность, которая представляет собой более абстрактную категорию по сравнению с лексической экспрессивностью. Она предстает как усилительная (сенсibiliзирующая) функция синтаксической конструкции. Экспрессивность – это то в сфере прагматической семантики языковой единицы, что свидетельствует об интересе говорящего (пишущего) к впечатлению от высказывания (см. работы Кайгородовой). «Чем больше внимание исследователей синтаксиса привлекают к себе явления экспрессивной речи, тем чаще приходится сталкиваться с такими предложениями, которые не могут быть описаны в обычных терминах “членов предложения”. Получает признание и распространение то мнение, что в языке существуют типы предложений, к которым “вообще неприменимо понятие членов предложения”» [30. С. 6].

Семантика фразеосхем специфична. Фиксированный набор обязательных элементов структуры, строго определённая позиция опорных компонентов в составе таких фразеологизированных структур обуславливают закрепление за ними и за подобными моделями предложений обобщённого значения «утверждения», «отрицания», «высокой степени проявления предмета речи» и т.п. Означае­мое фразеосхемы формируется двумя основными компонентами: диктумной пропозицией, а также фразеосинтаксическим значением, в структуру которого входит и содержание модусной пропозиции. К последнему также относится «экспрессема» и «стилема», т.е. сема сниженной (разговорной) стилистической маркированности.

Рассмотрим все эти признаки на примере фразеосхемы с опорным компонентом *si*: *¡Si + V pret imp subj!*. Данная фразеосхема полисемична и способна выражать следующие значения:

1) «целесообразности, желательности совершения какого-либо действия, наличия чего-либо и т.п. в сочетании с различными эмоционально-экспрессивными оттенками значения»: Recordaba la borrachera como una aventura infantil, y le parecía tan divertida que se la contó a Aureliano Segundo, y a este le pareció más divertida que a ella. “*Si tu madre lo supiera*”, le dijo, ahogándose de risa, como le decía siempre que ella le hacía una confidencia. (G.G. Márquez. Cien años de soledad). ● О своем опьянении она вспоминала теперь как о детской шалости, которая казалась такой забавной, что она рассказала о ней Аурелиано Второму. Ему эта история показалась еще более смешной.

«**Если бы твоя мать узнала!**» – повторял он, задыхаясь от смеха, так он говорил всегда, когда дочь признавалась ему в чем-нибудь. (“Твоя мать не знает + сожаление, удивление, ирония и т.д.”);

2) «нецелесообразности, нежелательности совершения какого-либо действия, наличия чего-либо и т.п. в сочетании с сожалением, досадой, разочарованием по поводу отсутствия предмета речи»: – **¡Si mamá lo supiera!** En fin, que el muy tunante se divirtió todo lo que quiso, y después la del humo. (B. Pérez Galdós. Fortunata y Jacinta). ● – **Не дай бог, если мама узнает!..** Короче, этот негодяй получил все, что хотел – и был таков. (“Мама не знает об этом + одобрение, досада, негативное отношение к предмету речи и т.д.”);

3) «утверждение в сочетании с различными эмоционально-оценочными оттенками»: – Hombre, qué ganas tengo yo de hacer un viaje por Italia. – Pues a ello. – **¡Si no se gastase tanto!** (A. Palacio Valdés. Riverita). ● – Ah, как мне хочется побывать в Италии! – Так за чем же дело стало? – **Если бы только не было так дорого!** (“Это дорого + неодобрение, досада и т.д.”).

Как видно из данных примеров, выражение значения «какого-либо действия» опирается на знание ситуации, переданной контекстом. При этом контекст, в окружении которого функционирует данное предложение, гасит все другие смысловые и функциональные значения (побуждения, условности, возможности), заложенные в определенном типе синтаксической конструкции, оставляя лишь значение целесообразности/нецелесообразности факта в реальной действительности, а также его положительной или негативной оценки [31. С. 84]. В первом примере фразеосхема, помимо целесообразности, желательности совершения какого-либо действия, выражает сожаление, удивление, иронию по отношению к действиям собеседника. Однако это становится понятно лишь благодаря последующему контексту: ...*le dijo, ahogándose de risa, como le decía siempre que ella le hacía una confidencia.* ● ...повторял он, задыхаясь от смеха, так он говорил всегда, когда дочь признавалась ему в чем-нибудь. Во втором случае контекст также помогает выявить негативное отношение к предмету речи: ...*En fin, que el muy tunante se divirtió todo lo que quiso, y después la del humo.* ● –... Короче, этот негодяй получил все, что хотел – и был таков... Кроме того, предложение **¡Si no se gastase tanto!** ● **Если бы только не было так дорого!** в соответствующем контексте может выражать прямое значение условности и относиться к нейтральному стилю, а может, как в анализируемом примере, реализовывать вторичное значение утверждения, неодобрения, досады и приобретать разговорную окраску. При этом формально оно не меняется, однако может иметь различное пунктуационное оформление, которое будет соответствовать утверждению.

Данная фразеосхема является мотивированной. Мотивирующей основой данной фразеосхемы выступает придаточное предложение со значением «условия» в составе сложноподчиненного предложения, например: – **Si le viera uté trabajá,** ¡una gloria de Dios! Tiene unas mano de plata... (A. Palacio Valdés. La hermana San Sulpicio). ● – **Видели бы вы, как она работает,** любо-дорого смотреть! У нее золотые руки... (“Вы не видели, как она работает + одобрение, положительная оценка предмета речи и т.д.”). Ср.: – **Si le viera uté trabajá,** estaría muy contento. ● – **Если бы вы видели, как она работает,** вы

были бы довольны! Таким образом, данная фразеосхема формально совпадает с придаточным условным сложноподчиненного предложения.

Обязательный неизменяемый компонент в данной фразеосхеме выражен словом *si*, которое в системе испанского языка выступает в качестве союза и трактуется следующим образом: «(в случае) если; раз, ли, ведь, же» [32. С. 650]. Данный опорный компонент частично десемантизирован, так как в нем частично утеряна связь с прямым значением «условности», что проявляется в отнесенности значения фразеосхемы в целом к реальной модальности.

Обязательный изменяемый компонент конструкции является лексико-грамматически и морфологически устойчивым (не допускает варьирования). Он может быть выражен лишь глаголом в форме претерита имперфекта сослагательного наклонения (*V pret imp subj*), например: – ¿Por qué quería mi amo que jiciera? – No hacerle aprecio. – ¡*Si su mercé lo hubiera visto!* No era cosa de podelo aguantar. Parecía que había comido yerba. (J. López. Portillo y Rojas. La Parcela). • – Так что же мне было делать, сударь? – Не обращать на него внимания. – *Видели бы вы его, ваша милость!* Невмоготу было терпеть. Он словно белены объелся. (“Вы не видели его + сожаление, неодобрение, негативная оценка предмета речи и т.д.”).

Синтаксические отношения в данной фразеосинтаксической схеме неактуальны, поэтому порядок следования компонентов неизменяем.

Данная фразеосинтаксическая схема обладает признаками воспроизводимости, структурно-семантической устойчивости и целостности и идиоматичности. Рассмотрим каждый из них.

Свойство воспроизводимости описываемой фразеосхемы связано с тем, что она используется в качестве готовой модели и допускает варьирование лишь изменяемого компонента в заданных лексических рамках.

Структурная устойчивость данной синтаксической конструкции проявляется в наличии двух обязательных компонентов – неизменяемого и изменяемого, в невозможности изменения порядка их следования, лексико-грамматического варьирования опорного компонента и морфологического варьирования изменяемого компонента. Семантическая устойчивость – в наличии определенного фразеосинтаксического значения: 1) «целесообразности, желательности совершения какого-либо действия, наличия чего-либо и т.п. в сочетании с различными эмоционально-экспрессивными оттенками значения»; 2) «нецелесообразности, нежелательности совершения какого-либо действия, наличия чего-либо и т.п. в сочетании с сожалением, досадой, разочарованием по поводу отсутствия предмета речи»; 3) «утверждения в сочетании с различными эмоционально-оценочными оттенками».

Структурная целостность фразеосхемы проявляется в ограничении ее трансформации и вставки лексико-грамматических компонентов без изменения значения синтаксической конструкции. Изъятие какого-либо компонента из состава фразеосхемы невозможно без потери ее фразеосинтаксического значения. Семантическая целостность заключается в наличии общего фразеосинтаксического значения, которое присуще самой фразеосхеме, а не отдельным ее компонентам.

Данная фразеосхема обладает также признаком идиоматичности, который подразумевает невыводимость категориального (фразеосинтаксического)

значения фразеосхемы из значений компонентов, входящих в ее структуру. Например: Doña Matilde... *si tú pudieras discernir bien y avalorar las sensaciones de diferente naturaleza* que semejante palabra excita, fomenta, inflama... Bruno. No, en efecto, todo eso para mí es griego (M. Gorostiza. Contigo, pan y cebolla). • Донья Матильда. ...*если бы ты мог различать и оценивать чувства другого рода*, те, что возбуждают, питаются и различаются подобными словами. Бруно. Нет, право же, все это для меня китайская грамота. (“Ты не можешь различать и оценивать чувства другого рода...+ сожаление, неодобрение, негативная оценка предмета речи и т.д.”).

В данном случае невыводимыми являются следующие структурно-семантические, функциональные и стилистические компоненты плана содержания фразеосхемы:

- синтаксическое значение (фразеосхема формально построена по модели придаточного предложения в составе сложноподчиненного предложения, а функционирует в качестве простого повествовательного или восклицательного предложения, что свидетельствует о грамматической транспозиции);

- фразеосинтаксическое значение, например, «целесообразности, желательности» не выводится из значения придаточного предложения со значением условия;

- эмоционально-экспрессивное значение (семы «сожаления», «неодобрения» и т.д.);

- стилистическое значение (фразеосхема характеризуется разговорной окраской, а ее производящая синтаксическая конструкция – нейтральной).

Рассмотрим еще одну фразеосхему с опорным компонентом-союзом, которая является менее продуктивной в системе испанского языка, чем предыдущая: *¡<No [y] > que [sino] no + Vinf, subj!*. Фразеосхема моносемична, выражает значение «утверждения в сочетании с различными эмоционально-оценочными оттенками», например: – *Ya no me queda ningún género de duda – exclama – Schiven desea mi muerte; reconozco en ese reptil al ministro de su cólera. ¡Oh! ¡Que no fuera yo un dios para luchar con los dioses!*. (Becquer G.A. Leyendas) • Теперь у меня не осталось ни малейших сомнений, – восклицает он. – Скивен желает моей смерти. Узнаю в этом пресмыкающемся посланника своей смерти. О! *Как бы мне не быть богом, чтобы бороться с богами!* (“Не могу не быть богом + высокая степень уверенности, негодование, возмущение и т.п.”).

Данная фразеосинтаксическая схема является немотивированной, т.е. этимологическая связь с его прямым значением не прослеживается. Подобные синтаксические построения составляют собственно фразеологизированные синтаксические конструкции, отношения между компонентами которых не отражают существующих типов синтаксических связей и являются в современном языке немотивированными (см. работы Н.Ю. Шведовой).

Обязательный неизменяемый компонент выражен союзами *que* или *sino*, а также отрицательным местоимением *no*, которое стоит после *que [sino]*. Опорный компонент полностью десемантизирован. Его значение никак не представлено в значении фразеосхемы: наречие *no* в испанском языке трактуется как «нет, не, разве не, так бы не» [31. С. 502]; *que* «то, что, чтобы» [31. С. 595] и *sino* означает «только, исключительно, кроме, за исключением» [31.

С. 653]. Обязательный неизменяемый компонент данной фразеосхемы может осложняться препозитивным факультативным элементом, выраженным отрицательным местоимением *no* или союзом *y*. Этимологическая связь обязательного опорного компонента с его прямым значением неактуальна. Установить истоки аграмматичности организации данной фразеосхемы не представляется возможным, что является доказательством ее непроеизводности.

Следует отметить некоторые отличия этих двух вариантов фразеосхемы. Во-первых, союз *sino* не используется изолированно в предложении, он всегда «употребляется после отрицания, вводит слово или предложение, полностью исключаящее предыдущее понятие или суждение» [33. С. 264]. Слово *que* может употребляться как с отрицательными словами, так и без них. И *que*, и *sino* в сочетании с *no* усиливают фразеосинтаксическое значение. Однако фразеосхема с союзом *que* обладает большей усилительной способностью и экспрессивностью. Факультативные компоненты структуры у данной фразеосхемы отсутствуют.

Обязательный изменяемый компонент является лексико-грамматически и морфологически устойчивым (нулевая парадигма). Он может быть представлен только глаголом в форме инфинитива или сослагательного наклонения и является лексически варьируемым, например: 1) – ...yo tampoco he hecho todo el trabajo, ***no sino que hacer una tarea y medio castigo de Achondo*** (Paz M. Papelucho). • – ... Я также сделал всю работу, и как не сделать задание и половину наказания Ачондо! (“Нельзя не сделать + высокая степень уверенности, удивление и т.п.”); 2) – ***¡No que no hablar de esto!*** [33. С. 653]. • – ***¡Hey-jeli нельзя поговорить об этом!*** (“Об этом ведь можно поговорить + возмущение, негативное отношение к предмету речи и т.п.”).

Как отмечает Н.Ю. Шведова, синтаксические отношения в подобных высказываниях «являются вполне современными, но лексические значения образующих сочетание слов ослаблены, “отодвинуты”» [34. С. 279], что иллюстрирует пример из чилийского произведения.

Данная фразеосхема характеризуется неизменностью порядка следования обязательных компонентов и является воспроизводимой, структурно и семантически устойчивой и цельнооформленной, а также идиоматичной (она характеризуется наличием всех четырех идиоматичных компонентов содержательной структуры фразеосхемы).

Итак, в современном испанском языке (классический и латиноамериканский варианты) функционируют фразеосинтаксические схемы с обязательным неизменяемым компонентом, выраженным союзом. Они репрезентируют не только диктумное значение, но и модусное. Подобные синтаксические конструкции являются производными.

Фразеосхемы с опорным компонентом-союзом обладают признаками воспроизводимости, структурно-семантической устойчивости и целостности, идиоматичности, а также разговорной стилистической маркированностью и экспрессивностью. Все это свидетельствует о том, что данные синтаксические конструкции относятся к фразеологическим ресурсам современного испанского языка. Они характеризуются высокой частотностью функционирования в разговорной речи и способствуют повышению эффективности процесса коммуникации, придавая общению непринужденный характер.

Литература

1. Курчаткина Н.Н., Супрун А.В. Фразеология испанского языка. М., 1981. 143 с.
2. Испанско-русский фразеологический словарь / под ред. Э.И. Левинтовой. М., 1985. 1075 с.
3. Виноградов В.С. Лексикология испанского языка: учеб. М.: Высш. шк., 2003. 244 с.
4. Мальцева Э.А. Структурно-семантические и функциональные особенности устойчивых сравнений современного испанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 24 с.
5. Ямушкина И.В. Устойчивые предложно-именные сочетания фразеологического и нефразеологического типа с наречным значением в современном испанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. 21 с.
6. Caballero R. Diccionario de modismos de la lengua castellana. Buenos Aires, 1947. 1181 с.
7. Gracián T. Enciclopedia gramatical del idioma castellano. Buenos Aires, 1946. 279 с.
8. Касаpec X. Введение в современную лексикографию. М., 1958. 354 с.
9. Coseriu E. Estudios de lingüística románica. Madrid: Gredos, 1977. 314 p.
10. Zuluaga A. Introduccional estudio de las expresiones fijas. Colombia, 1980. 260 с.
11. Carneado Moré Z.V., Tristán Pérez A.M. Estudios de fraseología. La Habana, 1985. 90 с.
12. Кайгородова И.Н. Фразеосхема как генетическая основа синтаксического фразеологизма // Актуальные проблемы филологии и ее преподавания: материалы межвуз. науч. конф. Ч. 2: Языкознание. Саратов, 1996. С. 67–68.
13. Кайгородова И.Н. Проблемы синтаксической идиоматики (на материале русского языка). Астрахань, 1999. 249 с.
14. Меликян В.Ю. Синтаксическая фразеология русского языка: учеб. пособие для студентов. М.: Флинта: Наука, 2015. 352 с.
15. Меликян В.Ю. Современный русский язык: Синтаксическая фразеология: учеб. пособие для студентов. М.: Флинта: Наука, 2014. 376 с.
16. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976. 240 с.
17. Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаково-микротекстов // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. М., 2004. С. 674–684.
18. Краснов Ф.А. О предмете фразеологии // Учен. зап. Киргиз. ун-та. Славянский сб. Вып. 10. 1963. С. 58–66.
19. Zuluaga A. La fijación fraseológica // Thesaurus. T. 30, enero-abril. Colombia, 1975. С. 225–248.
20. Копыленко М.М. Об объеме и методах фразеологии как научной дисциплины // Вопр. фразеологии. Ташкент, 1965. С. 53–63.
21. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977. 256 с.
22. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1980. 464 с.
23. Архангельский В.Л. Проблема устойчивости фразеологических единиц и их знаковые свойства (на материале современного русского языка) // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвуз. симпозиума. Тула, 1968. С. 21–29.
24. Жуков В.П. Изучение русской фразеологии в отечественном языкознании последних лет // Вопр. языкознания. 1967. № 5. С. 104–113.
25. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2004. 288 с.
26. Курчаткина Н.Н., Супрун А.В. Фразеология испанского языка. М., 1981. 144 с.
27. Ройзензон Л.И. Фразеологизация как лингвистическое явление // Тр. Самарканд. гос. ун-та. Новая серия. 1961. № 113. С. 101–117.
28. Телия В.Н. Идиоматичность // Русский язык: энцикл. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. 721 с.
29. Меликян В.Ю. «Внутренняя антонимия» и способы её выражения в языке // Русский язык в школе. 1998. №2. С. 73–79.
30. Шмелев Д.Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
31. Садиков А.В., Нарумов Б.П. Испанско-русский словарь современного употребления. М., 2001. 752 с.
32. Виноградов В.С. Грамматика испанского языка: практический курс. М., 2014. 432 с.
33. Calvo L.M. Diccionario español-ruso (80 000 palabras). Barcelona, 1985. 1915 с.
34. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. 380 с.

FIXED PHRASE SCHEMES WITH A COMPULSORY COMPONENT-CONJUNCTION IN THE CONTEMPORARY SPANISH LANGUAGE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 59–70. DOI: 10.17223/19986645/43/5

Anna V. Melikyan, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation).
E-mail: Melikyan.anna@mail.ru

Keywords: syntactic phraseological unit, fixed phrase scheme, conjunction, compulsory component, structural and semantic integrity, idiomaticity, expressivity, polysemy, Spanish language.

This article is devoted to the research problem of one of the syntactic phraseological unit classes – fixed phrase schemes. The study is accomplished on the basis of the contemporary Spanish language. The research significance is determined by the insufficiency of the fixed phrase schemes theory and lack of fixed phrase schemes description in colloquial speech, and by the essential pragmatic potential of such schemes that allows communicants to realize diverse author's intentions in speech.

Fixed phrase schemes with a compulsory component-conjunction are described in structural, semantic, etymological, paradigmatic, syntagmatic and phraseological aspects.

Fixed phrase schemes with a compulsory component-conjunction are composite: they contain two compulsory components: unchangeable and changeable. The compulsory unchangeable element of fixed phrase schemes of this group is represented by the conjunctions *si*, *que* и *sino*. The compulsory component of the conjunctive origin does not have paradigmatic qualities due to the specific character of the synsemantic word status.

The compulsory changeable component is represented by a verbal lexeme only; that is why it does not have a lexical-grammatical paradigm. Its incomplete morphological paradigm is represented by two forms of the verb.

Syntactic relations in fixed phrase schemes are essentially obsolete, which determines the unchangeable order of the structural elements, when the compulsory component is prepositive.

Fixed phrase schemes contain both dictum and modus propositions. They are used to express diverse subjective and modal shades of meaning; that is they influence the recipient directly.

Fixed phrase schemes with a compulsory component-conjunction are characterized by such features as repeatability, stability, structural and semantic integrity, idiomaticity, expressivity and stylistic markedness. These characteristics are integral for all fixed phrase schemes; however, they differ in each fixed phrase scheme. The most peculiar feature is idiomaticity that can show in several dimensions: functional (the meaning of exclamation/declaration is not concluded from the formal organization of the fixed phrase scheme); semantic (the modus proposition is not formally expressed in the fixed phrase scheme); stylistic (the fixed phrase scheme is characterized as colloquial while its motivating basis is neutral).

In general, it should be stated that fixed phrase schemes with a compulsory component-conjunction correspond to their status of the phraseological language subsystem units. They are one of the most effective means of colloquial speech and allow the speaker to realize his or her versatile communicative intentions.

References

1. Kurchatkina, N.N. & Suprun, A.V. (1981) *Frazeologiya ispanskogo yazyka* [The phraseology of the Spanish language]. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Levintova, E.I. (ed.) (1985) *Ispansko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Spanish-Russian idioms dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Vinogradov, V.S. (2003) *Leksikologiya ispanskogo yazyka* [Lexicology of Spanish]. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Mal'tseva, E.A. (1976) *Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye osobennosti ustoychivyykh sravneniy sovremennogo ispanskogo yazyka* [Structural-semantic and functional features of sustained comparisons of contemporary Spanish]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Yamushkina, I.V. (1972) *Ustoychivye predlozheniya-imennyye sochetaniya frazeologicheskogo i nefrazeologicheskogo tipa s narechnym znacheniem v sovremennoy ispanskoy yazyke* [Nominal prepositional collocations of idiomatic and non-idiomatic types with adverbial meanings in modern Spanish]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Caballero, R. (1947) *Diccionario de modismos de la lengua castellana* [Idioms Dictionary of the Castilian language]. Buenos Aires: Librería El Ateneo.

7. Gracián, T. (1946) *Enciclopedia gramatical del idioma castellano* [Grammatical encyclopedia of Castilian idioms]. Buenos Aires: Librería El Ateneo.
8. Casares, J. (1958) *Vvedenie v sovremennuyu leksikografiyu* [Introduction to the modern lexicography]. Moscow: Nauka.
9. Coseriu, E. (1977) *Estudios de lingüística románica* [Romanian linguistics studies]. Madrid: Gredos.
10. Zuluaga, A. (1980) *Introducción al estudio de las expresiones fijas* [Introduction to the study of fixed expressions]. Frankfurt: Peter Lang.
11. Carneado Moré, Z.V. & Tristán Pérez, A.M. (1985) *Estudios de fraseología* [Studies of phraseology]. La Habana: Academia de Ciencias de Cuba.
12. Kaygorodova, I.N. (1996) [Fixed phrase scheme as the genetic basis of the syntactic idiom]. *Aktual'nye problemy filologii i ee prepodavaniya* [Topical problems of philology and of teaching it]. Proceedings of the conference. Pt. 2. Saratov: Saratov State University. pp. 67–68. (In Russian).
13. Kaygorodova, I.N. (1999) *Problemy sintaksicheskoy idiomatiki (na materiale russkogo yazyka)* [Problems of syntactic idioms (in Russian)]. Astrakhan: Astrakhan State University.
14. Melikyan, V.Yu. (2015) *Sintaksicheskaya fraseologiya russkogo yazyka* [Syntactic phraseology of the Russian language]. Moscow: Flinta: Nauka.
15. Melikyan, V.Yu. (2014) *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksicheskaya fraseologiya* [Modern Russian language. Syntactic phraseology]. Moscow: Flinta: Nauka.
16. Vasil'eva, A.N. (1976) *Kurs lektsiy po stilistike russkogo yazyka* [Lectures on the stylistics of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.
17. Teliya, V.N. (2004) Faktor kul'tury i vosproizvodimost' frazeologizmov – znakov-mikrotekstov [Factor of culture and reproducibility of idioms—signs—microtexts]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura* [Hidden meanings. Word. Text. Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
18. Krasnov, F.A. (1963) O predmete frazeologii [On the subject of phraseology]. *Uchenyye zapiski Kirgizskogo universiteta. Slavyanskiy sb.* 10. pp. 58–66.
19. Zuluaga, A. (1975) La fijación fraseológica [Phraseological fixation]. *Thesaurus*. XXX. Enero-abril. pp. 225–248.
20. Kopylenko, M.M. (1965) Ob ob'eme i metodakh frazeologii kak nauchnoy distsipliny [The scope and methods of phraseology as an academic discipline]. In: Royzenzon, L.I. (ed.) *Voprosy frazeologii* [Issues of phraseology]. Tashkent: Nauka.
21. Saussure, F. de. (1977) *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Translated from French. Moscow: Progress.
22. Mokienko, V.M. (1980) *Slavyanskaya fraseologiya* [Slavonic phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola.
23. Arkhangel'skiy, V.L. (1968) [The problem of stability of phraseological units and their iconic features (in modern Russian language)]. *Problemy ustoychivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinit* [Problems of stability and variance of phraseological units]. Proceedings of a symposium. Tula. pp. 21–29. (In Russian).
24. Zhukov, V.P. (1967) Izuchenie russkoy frazeologii v otechestvennom yazykoznanii poslednikh let [Studying of Russian phraseology in domestic linguistics of recent years]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 104–113.
25. Melikyan, V.Yu. (2004) *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis nechlenimogo predlozheniya* [Modern Russian language. Syntax of non-divisible sentences]. Rostov-on-Don.
26. Kurchatkina, N.N. & Suprun, A.V. (1981) *Fraseologiya ispanskogo yazyka* [The phraseology of Spanish]. Moscow: Vysshaya shkola.
27. Royzenzon, L.I. (1961) Frazeologizatsiya kak lingvisticheskoe yavlenie [Idiomatization as a linguistic phenomenon]. *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya*. 113. pp. 101–117.
28. Teliya, V.N. (1997) Idiomatichnost' [Idiomaticity]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian language: Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
29. Melikyan, V.Yu. (1998) "Vnutrennyaya antonimiya" i sposoby ee vyrazheniya v yazyke ["Internal antonymy" and methods of its expression in the language]. *Russkiy yazyk v shkole*. 2. pp. 73–79.
30. Shmelev, D.N. (1976) *Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic divisibility of statements in the modern Russian language]. Moscow: Nauka.

31. Sadikov, A.V. & Narumov, B.P. (2001) *Ispansko-russkiy slovar' sovremennogo upotrebleniya* [Spanish-Russian Dictionary of Modern Usage]. Moscow: Russkiy yazyk.
32. Vinogradov, V.S. (2014) *Grammatika ispanskogo yazyka. Prakticheskiy kurs* [Grammar of the Spanish language. A Practical Course]. Moscow: Universitet.
33. Calvo, L.M. (1985) *Diccionario espanol-ruso (80 000 palabras)* [Spanish-Russian Dictionary (80000 words)]. Barcelona.
34. Shvedova, N.Yu. (1960) *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [Essays on the syntax of Russian speech]. Moscow: USSR AS.